



«Обитель философа»

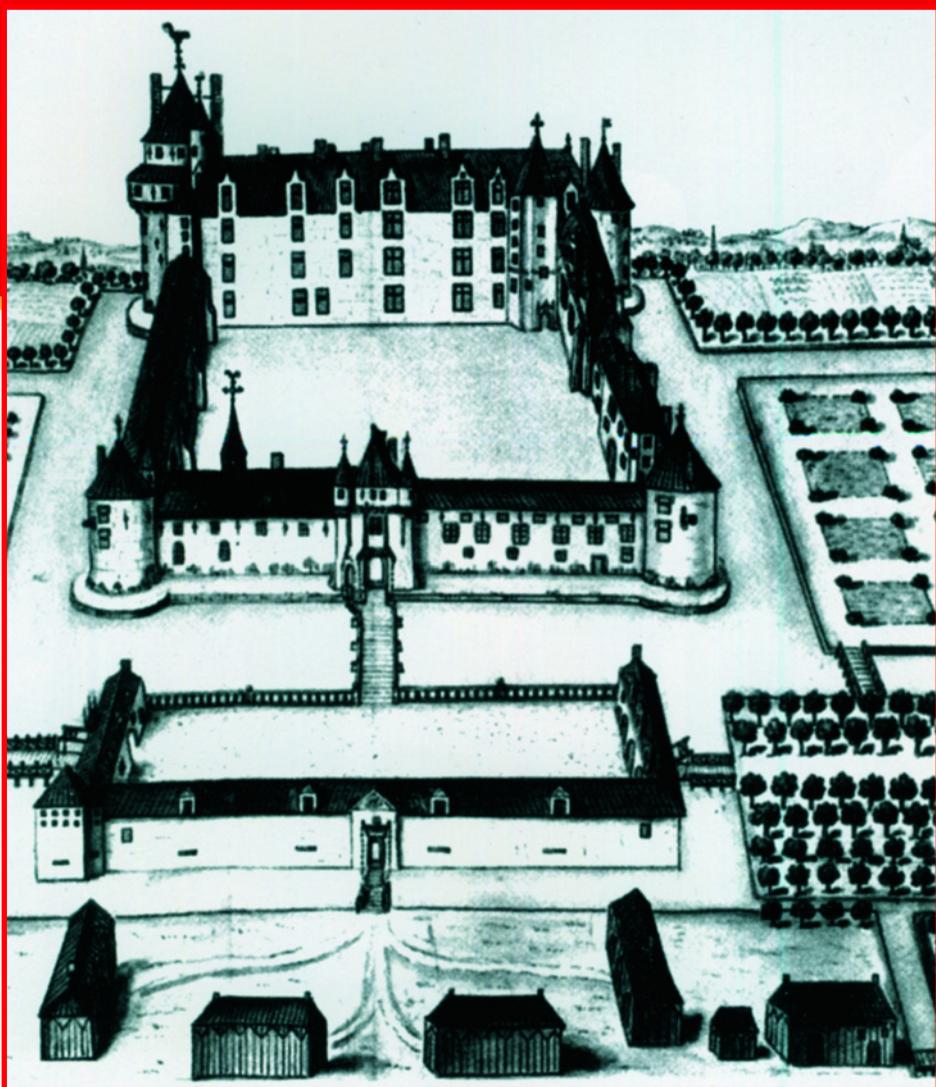
Алла Брежнева



Одним из самых красивых замков долины Луары считается Плесси-Бурре, расположенный между реками Сарт и Мейен, в 17 км к северу от Анжера. Когда-то это было небольшое средневековое укрепление, принадлежавшее роду Сен-Мор и носившее название Плесси-ле-Ван. В 1462 году его купил Жан Бурре, министр короля Людовика XI, который велел построить на месте феодальной крепости новый замок, дав ему имя Плесси-Бурре.

Возведенный в 1469-1473 годах неизвестными мастерами-каменщиками, замок представляет собой пример архитектуры так называемого «переходного стиля», сочетающего в себе черты военного феодального замка и загородной резиденции Ренессанса. Гладкие толстые стены, сложенные из светло-серого камня, угловые башни, увенчанные остроконечными кровлями, глубокие рвы, заполненные водой, рожают впечатление замкнутости, изолированности от внешнего мира. Однако в нем нет уже грозной мощи средневековых построек. Напротив, строгая простота его архитектурного облика лишь ярче оттеняет выразительность пропорций прямоугольных корпусов и круглых башен, а также рациональную логику плана, широко развернутого в пространстве, который в дальнейшем послужит образцом для многих замков французского Ренессанса. Широкие плоскости воды, опоясывающие замок со всех сторон, подобно спокойному тихому озеру, придают ему особую поэзию и очарование.

Вход в замок предваряют здания служб, образующие подковообразный передний двор, куда проходят по мосту, перекинутому через ров. Оттуда мост, длиною 43 метра, ведет к донжону и укрепленным воротам с двойным подъемным мостом. Че-



рез сводчатый проход мы попадаем в обширный парадный двор, площадью 1400 квадратных метров, окруженный со всех сторон корпусами. Центром всего архитектурного ансамбля является трехэтажное жилое здание, возвышающееся в глубине двора. Его фасад, фланкированный двумя угловыми башнями и прорезанный окнами с каменными переплетами, увенчан высокими люкарнами, на фронтонах которых красуются скульптурные изображения гербов Франции, короля Рене и Жана Бурре. В примыкающих к нему более низких боковых флигелях расположены служебные помещения: погреб, кухни, залы оружия и аркадная прогулочная галерея, соединяющая главный корпус с капеллой и придающая двору еще большее ощущение простора и свободы.

Дверь, расположенная в левой части жилого корпуса, ведет в парадный вестибюль, где мы сразу же

погружаемся в атмосферу прошлого. Стены из белого песчаника, старинная мебель, массивный камин с огромным вытяжным колпаком, фламандский ковер и модный в ту пору дубовый дрессуар (поставец) для хранения дорогой посуды воссоздают типичную обстановку французского замка XV века. По винтовой лестнице, расположенной в одной из башен, мы поднимаемся на второй этаж, где находятся личные покои хозяина замка. Они связаны с остальными помещениями длинной галереей, протяженностью тридцать шесть метров. Считается, что это одна из первых галерей, появившихся во Франции XV века, которые станут неотъемлемой частью многих французских дворцов и замков последующих столетий. В таких галереях, часто посещаемых, нередко размещались произведения искусства и ценные предметы, которые наглядно демонстрировали вкусы



Слева:
Замок Плесси-Бурре. Фрагмент рисунка 1695 г.
Национальная библиотека, Коллекция Геньера, Париж.

Справа:

Вид на ворота замка со стороны переднего двора.

и сферу интересов их владельцев. В начале XX столетия галерея замка Плесси-Бурре была превращена в библиотеку, и в настоящее время в ней установлены книжные шкафы, содержащие 3000 томов, и экспонируется коллекция вееров.

Одна из роскошных комнат замка – это хозяйская спальня. Она обставлена согласно обычаю той эпохи, где главное место занимала широкая кровать с пологом, украшенная позолоченным резным орнаментом

в мавританском стиле. С ней гармонируют расположенная у изголовья консоль, стоящий у стены резной шкаф, складное кресло и сундук, где в ту пору хранили одежду и драгоценности. На стенах висят картины на религиозные сюжеты, а также портрет Рене Дюплесси, одного из потомков Жана Бурре.

Однако главной достопримечательностью замка является Зал Стражи, бывший кабинет Жана Бурре. Обставленный старинной мебелью и украшенный произведениями

Центром всего архитектурного ансамбля является трехэтажное жилое здание, возвышающееся в глубине двора. Его фасад, фланкированный двумя угловыми башнями и прорезанный окнами с каменными переплетами, увенчан высокими люкарнами, на фронтонах которых красуются скульптурные изображения гербов Франции, короля Рене и Жана Бурре.



Вид на передний двор с двойного подъемного моста.

изображений была предложена французским алхимиком XX века Эженом Канселье (1899-1982 гг.), который считается последним представителем древней науки, кому удалось произвести философский камень.

В одном из кессонов изображены Дракон и Лев, символизирующие ртуть и серу, которые считаются родоначальниками всех металлов. Они олицетворяют первичную материю алхимии, задача которой, как известно, состоит в приготовлении философского камня, способного превращать обыкновенные металлы в золото и серебро. Кроме того, они указывают на то, что сам процесс их приготовления основывается на соединении двух противоположных, но дополняющих друг друга началах, первое – влажное и летучее, второе – сухое и устойчивое.

На плафоне также представлены два столкнувшихся Барана, напоминающие о том, что временем начала Великого Делания является день весеннего равноденствия, когда Солнце входит в знак Овна. Эти животные ассоциируются с Золотым Руном и олицетворяют как приготовленную к Деланию материю, так и ее конечную цель, то есть обретение «чудесного Овна» или философского камня. По выражению Канселье, этот символ может рассматриваться и как «плодотворное соединение двух Овнов – небесного и земного, влекомых друг к другу тайным магнитом мудрецов».

На одной из фресок мы видим Ослика, воплощающего терпение и упорство, необходимые адепту в процессе Делания. Животное представлено поющим мессу, намекая на то, что все приверженцы эзотерического знания связывали свою деятельность с Писанием и ритуалами католической церкви. Они придавали большое значение состоянию души адепта и подчеркивали необ-

искусства, он перекрыт деревянным кессонированным потолком, состоящим из двадцати четырех панно, расписанных фресками в конце XV века. Восемь из них представляют нравоучительные аллегории, заимствованные из народного сказочного фольклора, а остальные шестнадцать – алхимические символы.

На них мы видим цирюльника, бредущего слишком говорливого клиента; кузнеца, пытающегося подковать гуся; человека, бросающего камни в колодезь; мужчину, несущего мешок, полный крыс. Некоторые из представленных сцен содержат ироничный подтекст, как например, изображение исхудавшей волчицы, питающейся только верными женами. Притом все они сопровождаются

надписями, выполненными готическим шрифтом, содержащими моралистические наставления, как например, «*Не болтай слишком много*», «*Не делай две вещи сразу*», «*Не пытайся сделать невозможное*», «*Смотри, прежде чем прыгнуть*» и т.д. Но наиболее загадочными и таинственными являются шестнадцать фресок, связанные с алхимической символикой, которые обнаруживают явный интерес хозяина замка к оккультному знанию, крайне распространенному в ту эпоху. В них в иносказательной форме излагаются основные принципы древнего искусства и те правила, которые должен соблюдать адепт, решивший посвятить себя златоделанию. Расшифровка этих

Наиболее таинственными являются шестнадцать фресок, связанные с алхимической символикой, которые обнаруживают явный интерес хозяина замка к оккультному знанию, крайне распространенному в ту эпоху. В них в иносказательной форме излагаются основные принципы древнего искусства и те правила, которые должен соблюдать адепт, решивший посвятить себя златоделанию.



Двор замка с входными воротами.

ходимость очищения перед началом Делания. По их убеждению, создавать «новые вещи» можно лишь очистив свой ум перед Богом и удалив все неправды из своего сердца». Поэтому теоретики древней науки часто сравнивали адепта, работающего у атанора (алхимической печи), со священником, совершающим таинство у церковного алтаря. Ибо, по мнению Юнга, самое важное для алхимика это *«освобождение божества, скрытого в материи. А для этого нужны медитация, пост, молитва и помощь Святого Духа»*.

Изображенная на плафоне Медведица с двумя обезьянами содержит в себе несколько символических значений. Для алхими-

ков медведица обозначала полярную звезду, по которой они ориентировались в процессе Делания. Наряду с этим она олицетворяла первоначальное состояние вещества, которое необходимо «упорядочить». Что касается обезьян, сидящих на ее спине, то в эзотерической традиции эти животные ценились за их способность «подражать творениям Бога». Ведь, согласно Роджеру Бэкону, францисканскому монаху и алхимику XIII века, сама алхимия – это искусство имитирующее природу, а адепт, осуществляющий свой Магистерий, должен следовать ее законам и ритмам, предварительно продумав свои действия, дабы не впасть в ошибку. Поэтому, как считал Канселье, первая обе-



ors par la grace de dieu roy de france. sauoir
fusons atous pns et aduenir. Que pour
la trezparfaite et singuliere amour que





Слева: Людовик XI учреждает статут Ордена Св. Михаила. Миниатюра Жана Фуке из «Статута Ордена Св. Михаила» (1470). Национальная библиотека, Париж.

Эта знаменитая миниатюра – один из шедевров художника Жана Фуке. В центре композиции находится король Людовик XI, вокруг которого изображены первые кавалеры Ордена Св. Михаила, одетые в бело-красные церемониальные одежды из дамасского шелка. На первом плане справа можно увидеть брата короля, Карла Французского, а слева – герцога Жана де Бурбона. За братом короля стоит полководец Антуан де Шабанн с жезлом в руках. На заднем плане изображены три ответственных лица Ордена: епископ Лангра Ги Бернар, секретарь Жан Роберте и казначей Жан Бурре. На стене зала висит картина на сюжет битвы Архангела Михаила с драконом. В нижнем поле листа изображены ангелы в рыцарском облачении, держащие в руках золотую цепь Ордена Св. Михаила.

Справа: Зал Парламента.

зьяна, сидящая на плечах медведицы, обозначает мудреца, указывающего подлинный путь, по которому надлежит идти. Другая, сидящая на крупе животного и дующая в трубу, представляет невежественного шарлатана, лишённого истинного знания.

Такой же неоднозначный смысл заключает в себе и изображение Повозки с парусом, которая подразумевает возможность путешествия, как по земле, так и по воде. По версии Канселье, она служит метафорой двойственного характера Великого Дела-

Теоретики древней науки часто сравнивали адепта, работающего у атанора (алхимической печи), со священником, совершающим таинство у церковного алтаря. Ибо, по мнению Юнга, самое важное для алхимика это «освобождение божества, скрытого в материи. А для этого нужны медитация, пост, молитва и помощь Святого Духа».



Зал Стражи.

Скрытое иносказательное значение таит в себе и образ Русалки, смотрящейся в зеркало. Существо по природе своей бесплодное, она изображена на фреске беременной. По мнению Канселье, это обозначает достижение невозможного, то есть трансформацию обычных металлов в золото и серебро.



Деревянная статуя Карла VIII. XV в.

ния, которое состоит из предварительного обучения и его практического применения. Как утверждает Фламель, один из самых легендарных адептов в истории алхимии, *«никогда нельзя правильно вытолнить работу, не обладая пониманием принципов Природы, которая является источником совершенства»*. Однако это изображение одновременно указывает и на два пути получения философского камня, первый – «влажный и долгий», производимый в ре-

торте, второй – «сухой и короткий», когда делание совершается в тигле.

Скрытое иносказательное значение таит в себе и образ Русалки, смотрящейся в зеркало. Существо по природе своей бесплодное, она изображена на фреске беременной. По мнению Канселье, это обозначает достижение невозможного, то есть трансформацию обычных металлов в золото и серебро. Стоящее же перед ней зеркало с его свойством отражать, связано с искусством алхи-

Иллюстрации на странице:

Две из двадцати четырех сцен, украшающих потолок Зала Стражи.



Тритон и пряха.

мии, которая тоже воспроизводит процесс божественного сотворения мира. Но наряду с этим, оно намекает на веру адептов в то, что «существует зеркало, в котором виден весь мир и через которое, как сквозь ошеломяющую тайны Естества».

Изображенный на плафоне Тритон – морское существо с мужским торсом и рыбьим хвостом, олицетворяет основополагающий огонь, который, по утверждению приверженцев тайного знания, является главной сложностью в процессе изготовления философского камня. Согласно Фламелю, он «всегда должен разводиться по всем правилам искусства, составленного истинным мастером». На фреске показано, как Тритон, обнимающий обнаженную пряху, испускает из своего хвоста таинственный огонь, питая им младенца, которого, по предположению Канселье, должна произвести на свет пряха, держащая кудель – символ творения.

На фресках потолка зала Стражи мы видим также Единорога, символизирующего непорочность, изоби-

лие и долголетие, и Оленя, который в алхимии является символом превращения, связанным с мифом об Артемиде, обратившей охотника Актеона в оленя, за то, что он увидел ее во время купания обнаженной. Что же касается изображения музицирующей кабанихи и танцующих вокруг нее молодых кабанов, то подобный мотив часто встречается

в искусстве Средних веков. Здесь он обозначает гармонию, иллюстрируя загадочное высказывание арабского алхимика XII века Артефиуса (поддержанное шотландским философом Филалетом), согласно которому, «для того, кто знает, Делание является занятием настолько легким и быстрым, что с полным правом может быть названо работой женщины и игрой детей».

Наконец, в одном из кессонов представлен Феникс, являющийся для алхимиков метафорой философского камня, сулящего человеку все блага мира – мудрость, богатство, здоровье и долголетие. Он обозначает завершающую фазу алхимической операции и персонифицирует очищающий, преобразующий огонь, свойства которого хранились в глубочайшей тайне. Когтями феникс держит петуха, символизирующего стихию огня, чей крик



Поющий осел.

Деревянная скульптура, изображающая Атанор – символ печи алхимика.



«возвещает окончание ночи и рождение нового дня».

Некоторые из представленных на плафоне аллегорий не поддаются истолкованию. Но не следует забывать, что адепты ревниво оберегали свои секреты и, описывая свои опыты, сознательно зашифровывали смысл, дабы скрыть тайну от непосвященных.

Вместе с тем все эти таинственно-мистические композиции отличаются удивительной декоративной красотой и виртуозностью исполнения. Причудливые загадочные существа выступают в обрамлении прихотливых завитков растительного узора, что придает изображенным сценам сказочность и фантастичность. Этому впечатлению способствует и холодная гамма серо-зеленоватых тонов, в которой преобладает зеленый цвет, особенно почитаемый алхимиками и имеющий свой скрытый смысл. Дело в том, что во время работы материал на долгое время становится зеленым, свидетельствуя о состоявшемся союзе серы и ртути, предвещающем успех операции. Кроме того, если обычное, физическое золото истончено или расплавлено, то на просвет оно приобретает зеленоватый оттенок. К тому же зеленый цвет, по словам Канселье, является «цветом универсальной души», который содержится в названии «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста, великого египетского мудреца, основоположника всех тайных наук и алхимии – искусства трансмутации металлов.

С декорацией потолка Зала Стражи органично согласуются представленная в нем старинная мебель и произведения искусства: резные створчатые шкафы, деревянные сундуки, статуя короля Карла VIII и висящие на стенах портреты Жана Бурре, его супруги Маргариты Фешаль и одного из их сыновей, Карла Бурре. Здесь же находится и полих-

Некоторые из представленных на плафоне аллегорий не поддаются истолкованию. Но не следует забывать, что адепты ревниво оберегали свои секреты и, описывая свои опыты, сознательно зашифровывали смысл, дабы скрыть тайну от непосвященных. Вместе с тем все эти таинственно-мистические композиции отличаются удивительной декоративной красотой и виртуозностью исполнения.



Потолок Зала Стражи.

ромная деревянная скульптура под названием «Атанор», что обозначает печь, необходимую для изготовления философского камня. Название ее произошло от греческого слова «бессмертный», так как огонь, разведенный, – должен гореть до конца Делания. Скульптура представляет юношу и девушку, которые появляются из огромного сосуда, подогреваемого огнем. На воображаемых инструментах они исполняют величественную мелодию в честь алхимии, одним из традиционных названий которой было искусство музыки.

Неизвестно, занимался ли сам Жан Бурре алхимией, но декорация

Зала Стражи явно указывает на его интерес к оккультному знанию. Напомним, что в XV веке алхимией интересовались короли, знать, ученые, духовенство и даже папы. Среди ее почитателей был король Карл VI, который велел оборудовать в Венсенском замке лабораторию и составил дошедший до наших дней рукописный труд «Королевское творение Карла VI, короля Франции»; среди приверженцев тайного знания были итальянский маркграф Бернар Тревизанский, сочинивший трактат «Зеленое сновидение», а также министр финансов короля Карла VII – Жак Кёр, великолепный дом которого в Бурже украшен живописными

и скульптурными изображениями герметических мотивов. К поклонникам древнего искусства принадлежал и юре Пьер Вико, который совместно с Никола Валуа и Никола Гропарми занимался «деланием» в нормандском замке де Флер, где и поныне находится их атанор. Кроме того, интерес к алхимии проявляли писатели и художники, достаточно вспомнить вторую часть очень популярного в XIV-XVI веках «Романа о розе», написанную в XIII веке Жаном де Мёном, а также одно из самых известных произведений живописца Иеронима Босха «Сад наслаждений», содержащий алхимическую символику. Позднее, в на-



Библиотека. →

цем и создал самый знаменитый в христианском мире орден Золотого Руна. Атмосфера бургундского двора оказала влияние на формирование вкусов и взглядов Жана Бурре. Позднее его обогатили поездки в Италию и контакт с итальянскими друзьями Людовика XI, миланским герцогом Франческо Сфорца и его сыном Галеаццо, возглавлявшим один из полков французского короля.

После восхождения на трон Людовика XI (1461 г.), самого мнительного и недоверчивого из французских монархов, старавшегося окружить себя людьми простого происхождения, Бурре становится казначеем Франции и королевским советником, посвященным во все дела государства. Людовик доверяет ему самые деликатные и ответственные миссии: сначала он поручает ему руководство строительством замка Ланже, а затем воспитание своего болезненного сына, будущего Карла VIII, *«ради блага которого, по словам современников, «король был готов разрушить весь мир»*. И хотя многие из придворных отзывались о казначее как человеке, *«лишенном благовоспитанности, манеры и поведения которого заслуживают презрения»*, тем не менее это был одним из самых влиятельных и богатых людей королевства, которому принадлежали обширные земли, многочисленные дома и замки в Амбуазе, Туре, Кудре, Жарзе, Антраме, Шато-Гонтье и Париже.

Что касается наследников Жана Бурре, то лишь самый младший его сын, Карл Бурре, оставил после себя потомство. Женившись на Жанне де Лажай, он положил начало роду Жарзе и дю Плесси, которые в XVII веке занимали почетные должности при французском дворе. Самый известный среди них Рене дю Плесси, маркиз

чале XVI века, страстно увлеченным тайной наукой был папа Лев X, которому итальянский поэт и алхимик Джованни Аугурелло посвятил поэму «Хризопея» («Искусство делать золото»).

О личной жизни Жана Бурре (1424-1506 гг.) известно очень мало. Сын юриста из небольшого городка Шато-Гонтье, изучивший право в Парижском университете, в 19 лет он поступил на службу к дофину Людовику, сыну Карла VII, став самым преданным из его придворных и навсегда связав свою судьбу с судьбою будущего короля. Выполняя обязанности секретаря, Бурре сопровождал своего хозяина повсюду. Сначала они едут в Дофине, где

Людовик скрывается от гнева своего отца, затем в Брюссель, к его дяде, бургундскому герцогу Филиппу Доброму. Там, поселившись в замке Женапп, они в течение пяти лет поддерживают тесную связь с бургундским двором, переживавшим период своего блестящего расцвета. Филипп Добрый, прозванный Великолепным по аналогии с носившим этот титул Лоренцо Медичи, активно покровительствовал искусствам. Он собирал редкости, манускрипты, привлекал к своему двору поэтов, писателей, художников, известных нам по его многочисленным портретам. Особый интерес герцог проявлял к теологии, общался с Николаем Кузанским, Дионисием Картузиан-

В XV в. алхимией интересовались короли, знать, ученые, духовенство и даже папы. Среди ее почитателей были король Карл VI, итальянский маркграф Бернар Тревизанский, а также министр финансов короля Карла VII – Жак Кёр. К поклонникам древнего искусства принадлежал и кюре Пьер Вико, который совместно с Никола Валуа и Никола Гропарми занимался «деланием» в нормандском замке де Флер, где и поныне находится их атанор.





Салон Людовика XVI.

де Жарзе, доблестно сражался в армиях Людовика XIII и Людовика XIV, окончив свои дни в звании капитана гвардейцев «короля Солнце».

Долгое время замок оставался во владении потомков Жана Бурре. В 1723 году он перешел в собственность графа де Бьевр, затем к семейству де Рюйе, а через сто лет его купил господин Авенанг, нотариус из Анжера. В начале XX века новым хозяином поместья стал Анри Вайс, приступивший к основательной реконструкции всего ансамбля. Он заново оборудовал парадные помещения первого этажа, обставив их великолепной мебелью XVIII – начала XIX века, полученной им по наследству от его отца Виктора Вайса, известного коллекционера.

Большой салон был предназначен для торжественных приемов. Стены облицованы панелями с атрибутами охоты, музыки и садоводства. На камине стоят часы, инкрустиро-

ванные эбеновым деревом, в центре зала стоит стол эпохи правления Людовика XIV, над которым свисает люстра из позолоченного дерева. Однако особую ценность представляет находящийся здесь письменный стол с выдвигаемыми ящиками, отделанный деревянной инкрустацией, так называемое «Бюро Мазарини», выполненное выдающимся мастером-чернодеревцем Андре-Шарлем Буллем, оказавшим огромное влияние на развития стиля парадной мебели того времени.

Следующий Салон Людовика XV оформлен в стиле рококо, получившем развитие во Франции в 30-50-х годах XVIII века. Мебель мягких

Следующий Салон Людовика XV оформлен в стиле рококо, получившем развитие во Франции в 30-50-х годах XVIII века. Мебель мягких

В начале XX в. новым хозяином поместья стал Анри Вайс, приступивший к основательной реконструкции всего ансамбля. Он заново оборудовал парадные помещения первого этажа, обставив их великолепной мебелью XVIII – начала XIX в., полученной им по наследству от его отца Виктора Вайса, известного коллекционера.

Большой салон.

изогнутых форм, украшающие стены живописные панно с модными в ту пору флоральными мотивами, мраморный камин, зеркало в пышной резной золоченной раме, свободно расставленные стулья и кресла с широкими сиденьями, соответствующие пышным женским нарядам того времени, создают атмосферу легкости и изящества, характерную для интерьеров той эпохи.

Напротив, в Салоне Людовика XVI, перекрытом старинным балочным потолком, царит сдержанная элегантность. Представленная в нем мебель небольших размеров, кресла, обтянутые ковровой тканью, камин, отделанный скульптурными гирляндами и головами баранов, покрывающий пол ковер, вытканый в XVIII веке на мануфактуре Обюссон, прекрасно согласуются со светло-серыми панелями и их тонким лепным декором. Обстановку этой уютной гостиной дополняют стол для игры в трик-трак, отделанный маркетри, и стол для чтения с подвижной, регулируемой крышкой, под названием «a la Tronchin», придуманный известным швейцарским врачом Троншеном.



На стене, по обе стороны камина, висят пастели работы Кантена де Латура.

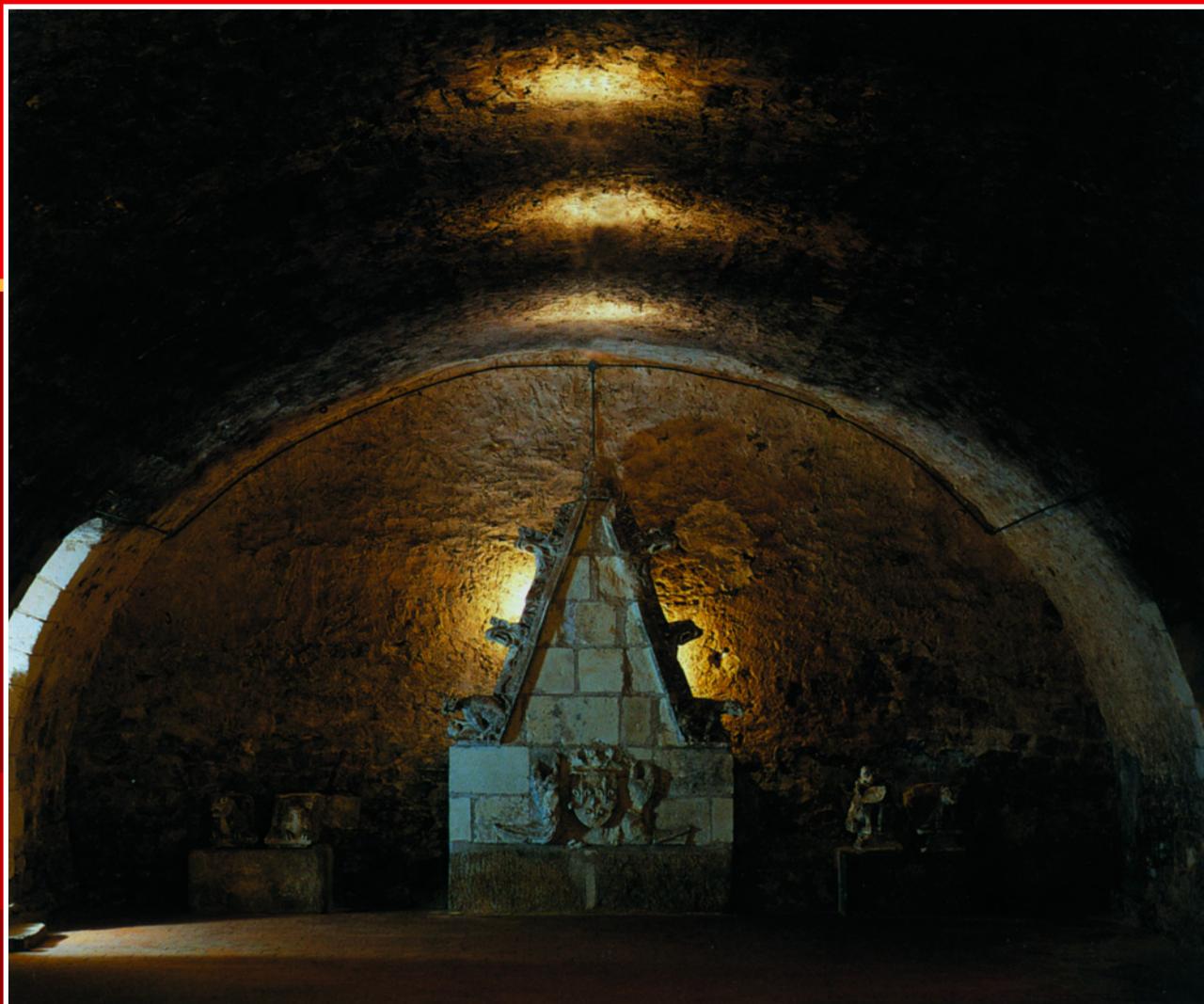
Одним из красивых помещений замка является Спальня, обставленная мебелью в стиле Ампира, вошедшей в моду во времена Империи. Ее строгие прямоугольные формы, вдохновленные новым увлечением античностью, гармонично сочетаются с гладкими белыми стенами, отделанными колоннами, филенками

и другими классическими мотивами. Стулья и кресла из излюбленного материала той эпохи темно-красного полированного дерева обтянуты ковровой тканью мануфактуры Обюссон. На возвышении стоит кровать в форме ладьи, заимствованной из росписей античных ваз и фресок. Она украшена великолепными позолоченными бронзовыми накладками, в изготовлении которых французские мастера достигли исключительного совершенства. Тут можно видеть и характерный для того времени геридон – круглый столик на одной ножке с лампой, носящей название «котелок».

Эта мебель некогда принадлежала предку нынешних владельцев замка, Никола Жану де Дье, маршалу Сульгу (1769-1851 гг.), прославленному полководцу армии Наполеона, получившему титул герцога Далматского. После падения Империи, Сульг сумел сохранить лояльность ко всем правлениям и занимал высокие государственные посты. При



Спальня эпохи Империи.



первой Реставрации был пэром и военным министром Франции, при Ста днях, приняв сторону Бонапарта, выполнял роль начальника его штаба, а после Июльской революции получил должность военного министра и министра иностранных дел. Статный красавец, от которого английские леди приходили в восторг, по отзыву Шатобриана, он слыл, наряду с Фуше, самым честным человеком во всей Франции.

Здесь же на первом этаже расположен, так называемый, Зал Парламента, служивший в XV веке парадной столовой. Перекрытый готическими сводами и освещенный высокими окнами, прорезающими стены двухметровой толщины, он снабжен громадным камином, украшенным колоннами и орнаментом, состоящим из пересекающихся треугольников и дубовых листьев. Полагают, что они тоже связаны с алхимической символикой, напоминающей

о тайных увлечениях основателя замка. Дуб символизировал алхимический горн (атанор) и начальную стадию материи, а треугольники, обращенные вершиной вверх и вниз – начало и завершение алхимического процесса. Декорацию зала дополняют сундук XV века, фламандская шпалера конца XVI столетия, представляющая мученичество святого Этьена, и ковер, изображающий морской пейзаж с моряками, загружающими судно, вытканый в XVIII веке на мануфактуре Обюссон по мотивам полотна Жозефа Верне.

На протяжении веков оставшийся частным владением, в 1931 году замок Плесси-Бурре был признан историческим памятником. В настоящее время в нем проживают две семьи – графа Эмерика д'Антенеза и герцога Далматского, которые заботятся о его сохранности. Расположенный в живописной местности вдали от оживленных дорог, замок

является любимым местом современных кинематографистов. Здесь были сняты многие известные фильмы, среди которых «Ослиная шкура», «Жанна д'Арк», «Фанфан-Тюльпан», «Принцесса Монпансье» и другие. Как справедливо заметил герцог Далматский, в этом замке, дошедшем до наших дней без существенных изменений, *«органично сочетаются элегантная роскошь и строгая сдержанность, в нем нет ничего симметричного, но все полно меры, равновесия и изящества»*. Мы же, глядя на его ясный и чистый облик, вспоминаем известное утверждение, что *«архитектура – это зеркало эпохи»*, отображающее духовную и интеллектуальную жизнь своего времени, несущее отпечаток личности и эстетических вкусов своих создателей. У нас невольно возникают ассоциации, приходит мысль, что и в самой архитектуре замка заложен некий образно-метафорический



← Подвальное помещение.
Остатки люкарны.

Вид на замок Плесси-Бурре с птичьего полета.

смысл. Аскетическая простота его архитектурных форм, словно очищенных от всего случайного, явно перекликается со стремлением адептов выявить сущность, «квинтэссенцию» вещей. А выразительное сопоставление горизонталей корпусов и вертикалей устремленных в небо башен воспринимается как архитектурное воплощение распространенного в средневековой Европе представ-

ления об устройстве мироздания, дуализме небесного и земного, страстного желания приверженцев тайной науки «*постичь их высший порядок, слить их воедино и заставить действовать в гармонии*». И тут мы понимаем почему такие замки, архитектура и отделка которых содержат герметические мотивы, великий алхимик XX века Фулканелли назвал «философскими обителями».

На протяжении веков оставшийся частным владением, в 1931 г. замок Плесси-Бурре был признан историческим памятником. В настоящее время в нем проживают две семьи – графа Эмерика д'Антенеза и герцога Далматского, которые заботятся о его сохранности. Расположенный в живописной местности вдали от оживленных дорог, замок является любимым местом современных кинематографистов.